

«ТОКУЗ-ОГУЗСКАЯ» ПРОБЛЕМА В ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ УЙГУРОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Роль токуз-огузов в этногенезе древних уйгуров Центральной Азии, несмотря на пристальное изучение, до сих пор является не полностью установленной. В целях решения данной проблемы рассмотрены основные гипотезы о происхождении этнонима «токуз-огуз», его отношение к истории древних уйгуров. В результате исследования в данной работе представлены две ключевые версии, которых придерживаются уйгуроведы – огузская и уйгурская. Вместе с тем автором высказано мнение, что «токуз-огуз» являлось названием союзного объединения девяти кочевых племен Центральной Азии. Тщательное изучение сведений и фактов из древнетюркских поминательных надписей и китайских династических летописей позволяет выявить этнический состав токуз-огузов: уйгур, байырку, тонгра, эдиз, долан, сеяньто (название по китайским летописям) и др. Именно им, көк-тюнкам (в русской транскрипции: кок-тюнк) и енисейским кыргызам, принадлежит значительная роль в образовании тюркского народа центра Азии – тыва.

Ключевые слова: Центральная Азия, Восточный Туркестан, племена, этнонимы, токуз-огузы, огузы, древние уйгуры, көк-тюнки, каганаты, этногенез, Тыва.

Древние уйгуры являются одним из самых известных древнетюркских этносов. Они выделялись среди остальных кочевников своего времени стремлением к просвещению, обширным градостроительством на просторах Центральной Азии, усердием в изучении и исповедании различных религий – зороастризма, манихейства, буддизма, христианства. Восприимчивость и терпимость древних уйгуров к культуре иных этносов до сих пор привлекают внимание исследователей. Переход от кочевого образа жизни к земледельческому за сравнительно короткий период тому яркий пример.

Среди уйгуроведов из-за недостатка археологических и письменных источников сложились противоречивые версии по некоторым ключевым вопросам этногенеза древних уйгуров. На протяжении долгих лет разногласия и дискуссии, в основном, разворачиваются вокруг проблемы определения этнонима *токуз-огуз* и его связи с историей центрально-азиатских уйгуров во времена древнетюркских каганатов (VI–X вв.). Если удастся разрешить эти проблемы хотя бы частично, многие моменты истории уйгуров придется коренным образом пересмотреть.

По известным нам письменным источникам время существования токуз-огузов, в

основном, ограничивается VII–IX вв. В этот период в Центральной Азии возникало несколько государств под предводительством того или иного племени из токуз-огузов – Сеяньтоский (630–646 гг.), I Уйгурский (647–687 гг.) и II Уйгурский (744–840 гг.) каганаты. Так как кочевья токуз-огузов располагались в Центральной Азии, территориальные рамки данного исследования ограничиваются ее регионами: Тыва, Монголия, Минусинская котловина, Алтай и Восточный Туркестан.

Изучение памятников культуры уйгуров привело к появлению целой востоковедческой науки – уйгуроведению. Древнейшие сведения о предках уйгуров встречаются в китайских летописях династий Вэй (386–558 гг.) и Суй (589–618 гг.). По «Вэй-шу» они назывались гао-гюйскими динлинами, а по «Суй-шу» потомки гао-гюйцев известны как те-лэ [Позднеев, 1899. С. 12–13, 37]. Одним из первых тюркологов, который считал, что уйгуры не только принадлежали к числу древнейших тюркских племен, но и являлись весьма распространенным тюркским народом, занявшим с давнего времени место среди тюркских племен и на дальнем западе, был В. В. Радлов [1893. С. 19]. Научная постановка вопроса об истории уйгуров осуществлена Ю. Клапротом и Н. Я. Бичу-

риным (Иакинф) [Исхаков и др., 1983. С. 34]. Общую периодизацию истории советского уйгуроведения провел Н. А. Баскаков [1983. С. 11].

Известно, что в конце V в. значительная часть гаогюй (около 100 тыс. юрт) перекочевала из Монголии через Алтай в район современного Турфана, образовав государство Гаогюй. Это повлекло за собой расселение гаогюйских племен в районах Восточного Туркестана и смешение их с местными жителями. Наряду с названием «гаогюй» в истории северных династий Китая (386–581 гг.) для упомянутых кочевников употреблялось и народное название «чиле», которое у южных китайских историков превратилось в «теле» [История..., 2001. С. 67].

С. Г. Кляшторный, известный российский тюрколог, определил тюркское произношение самоназвания племенного союза гаоцзюй / теле. Этим самоназванием оказалось имя огуз, а более архаичной формой имени огуз является слово *огуз* [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 60]. Уйгурские каганы VIII в., правившие в Монголии и Тыве, считали себя наследниками и преемниками древних вождей, которые возглавляли огузо-огузские племена евразийских степей за сотни лет до них. И оба уйгурских государя, Элетмиш Билгэ-Каган и Бөгү-Каган (Богю-Каган), которым посвящено повествование, сочли нужным напомнить об этом своим соплеменникам и подданным в высеченных на камнях декларациях [Кляшторный, 2005. С. 110].

Огузской версии этногенеза токуз-огузов, в основном, придерживаются исследователи, изучавшие историю тюркских народов огузского происхождения – туркменов, турок и азербайджанцев. Они отождествляют огузов и токуз-огузов, считая последних частью огузских племен, и переводят этноним *токуз-огуз* на русский язык с древнетюркских надписей как «девять огузов» [Гордлевский, 1941. С. 43; Джикиев, 1989. С. 12].

Действительно, когда-то предки огузов и токуз-огузов входили в большую конфедерацию племен теле, но с его распадом огузы откочевали далеко на запад, в Среднюю Азию. С падением Западнотюркского каганата (742 г.) и захватом карлуками Семиречья (766 г.) огузские племена начинают передвигаться на среднее, а затем на

нижнее течение Сырдарьи [Агаджанов, 1975. С. 11].

Огузские племена Средней Азии включали 24 этнонима: кайы, байат, авшар, байындыр, бечене, салор, кынык и др. [Кононов, 1958. С. 50–51]. Среди токуз-огузов Центральной Азии VIII в. не встречается ни один из среднеазиатских огузских этнонимов, что подтверждает различный этнический состав обоих объединений кочевников.

Большая часть уйгуроведов считает токуз-огузов и уйгуров одним и тем же народом [Тихонов, 1966. С. 45]. Одним из первых исследователей орхонских надписей был датский тюрколог В. Томсен, который полагал, что огузы раннего средневековья идентичны уйгурам. Ученый считал, что более древним из них является название племени или народа огуз. С его точки зрения, огуз – это этнический, а уйгур – политический термин. По его мнению, огузами называлась группа племен, во главе которых стояла уйгурская династия [Агаджанов и др., 1977. С. 9]. Кроме В. Томсена, считал огузов и уйгуров Центральной Азии одним и тем же народом Н. А. Аристов [Там же. С. 10]. С уйгурской версией соглашается и ряд иных авторитетных тюркологов, в числе которых И. В. Кормушин и Д. Г. Савинов. Опираясь на тюркские рунические надписи, они считают, что племенной союз, возглавляемый уйгурами, сам себя именовал токуз-огуз «девять (племен) огузов» [Савинов, 1994. С. 35]. По их мнению, ведущие позиции в этом объединении принадлежали уйгурам, которые, в конце концов, после неоднократных подчинений көк-тюнкам и выступлений против них, победили их окончательно в 744 г., положив конец гегемонии көк-тюрок [Кормушин, 2004. С. 9].

Нельзя не отметить еще одну проблему в историографии древних уйгуров. Из-за многочисленных ошибочных сведений в арабо-персидской литературе XI–XIV вв. о древних уйгурах Восточного Туркестана появилась путаница в определении принадлежности этнонима *токуз-огуз* к ним. Дело в том, что после поездки представителя арабских добровольческих дружин в Средней Азии Тамима ибн Бахра в страну токуз-огузов в 821 г. [Ахинжанов, 1989. С. 12; Йакут ал-Хами, 1988. С. 88; Монгуш Б. Б., 2004. С. 150], никто из путешественников из арабо-персидских стран не побывал на территории Центральной Азии (кроме Ала-ад-

дина Ага Малик ал-Джувейни). И когда они писали об уйгурах позднего времени, из-за недостатка информации или по каким-либо другим причинам ссылались на заметки Тамима ибн Бахра. В их сочинениях и летописях уйгуры Восточного Туркестана XI–XIV вв. упоминаются как «тогуз-гуззы» (т. е. токуз-огузы) [Йакут ал-Хамави, 1988. С. 77–78] из-за отсутствия информации о том, что племенной союз токуз-огуз распался после их разгрома енисейскими кыргызами в IX в., а уйгуры, входившие в эту конфедерацию, переселились в различные районы Центральной Азии и известны по своему самоназванию «уйгур».

В китайских источниках, которые, в отличие от арабо-персидских, в этом отношении более точны, древние уйгуры Центральной Азии, Ганьчжоуского каганата (847–1036 гг.) и Турфанского идикутства (866–1369 гг.) [Краткая..., 1991. С. 222] известны только по этнониму «уйгур» («хуйхэ», «хуйху») [Малявкин, 1974. С. 26–92], а не токуз-огуз («девять племен»), поскольку токуз-огуз было только названием союза девяти племен, в числе которых были древние уйгуры.

«Хаканский тюрок» Махмуд ал-Кашгари, автор словаря тюркских языков «Дивану лугат ат-тюрк» (1072–1077 гг.), лучше других знал страну уйгуров (скорее всего, Турфанское идикутство). Замечательно, что этот едва ли не единственный арабоязычный автор, пишущий о народах Средней и Центральной Азии не по книжным источникам, а на основании личного знакомства с этой страной совершенно не употребляет определение *токуз-огуз*, а только слово *уйгур* [Бартольд, 2002. С. 58]. В списке всех перечисленных Махмудом ал-Кашгари тюрко-монгольских племен и народов название *токуз-огуз* отсутствует [Махмуд ал-Кашгари, 1988. С. 21].

Одним из первых исследователей, который, опираясь на летописи Танской истории, предположил, что термин «токуз-огуз», появляющийся в китайских источниках около 630 г. [Потапов, 1966. С. 234; История..., 2001. С. 80] и в переводе с древнетюркского языка означающий «девять племен», был Л. П. Потапов. Схожего же мнения придерживается С. Г. Кляшторный [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 111–112]. В «Тан-шу» упомянуты названия всех девяти племен из токуз-огузов в китайском про-

изношении: «...одно [поколение] именуется хуйхэ, другое – пугу, третье – хунь, четвертое – баигу или байегу (в тексте просто: багу), пятое – тунло, шестое – сыцзйе (Иакинф Бичурин: Сыгйе), седьмое – цибиюй (Иакинф Бичурин: кибиюй)... Восьмое (поколение) называется ацзйесы, девятое – тулуньшигусы. Эти две фамилии после годов правления Тяньбао (742–756) объединились с семью фамилиями [Кюннер, 1961. С. 33–34].

Что касается племени сеяньто, то оно, по мнению некоторых исследователей, связано с тувинским этнонимом «соян», выступающим иногда общим названием тувинцев в целом. Представители рода соян проживают в основном в Юго-Восточной Тыве и Монголии, в частности в районе хребта Хан-Көгей (в русской транскрипции: Хан-Когей), верховьях р. Кобдо и в Северо-Западной Монголии. Сояны вошли в состав и современных алтайцев и монголов.

Между 630–646 гг. вожди уйгуров и вожди племен сеяньто соперничали за власть в Северной Монголии. В 646 г. сеяньто были разгромлены и уйгуры во главе с родом Яглакар стали правящим племенем токуз-огузов. Ставки их вождей, принявших титул каганов, располагались на Толе и Селенге. Племя сеяньто в первой половине VII в. было вытеснено из конфедерации токуз-огуз. Их кочевья и место в объединении заняли либо эдизы (в китайских хрониках ацзйесы), либо доланы (тулуньшигусы).

Из тюркских рунических надписей и китайских династийных хроник становится известным, что противниками көк-тюрок во главе с Илтериш-Каганом, Капаган-Каганом, Билгэ-Каганом и его братом Кюл-Тегином за власть в Центральной Азии был племенной союз «токуз-огуз» во главе с Баз-Каганом (в китайских источниках Абусы), а не часть огузов или только уйгуры. В китайских источниках описываются все важные этапы завоеваний и становления II Көк-Тюркского каганата, в том числе и покорение токуз-огузов. Для көк-тюрок стратегически важной задачей было подчинение соседних кочевых племен. Они начали с покорения токуз-огузов: «...севернее пустыни Мочжо сразился с предводителем девяти племен, Абусы и другими. Девять племен были наголову разбиты и большинство людей и животных погибли. Абусы во главе своих людей пришел на двор и покорился» [Лю Маоцай, 2002. С. 82]. В том же тексте

из «Цзю Тан-шу» есть очень важное свидетельство о девятиплеменном составе токуз-огузов, куда, помимо уйгуров, входили и байырку (в китайских летописях баигу): «В 4 году (716) Мочжо вновь напал на севере на баигу девяти племен и сразился на реке Дуло (Дола). Баигу потерпели жестокое поражение» [Лю Маоцай, 2002. С. 82].

Эти же самые события с удивительной точностью описаны в памятниках древнетюркского письма в честь Кюл-Тегина, Билгэ-Кагана и Тонюкука. Сначала были разбиты байырку: «...Улуг-Эркин из Йербайырку (местопребывание племени байырку – Восточное Забайкалье, к северу от р. Керулен) стал нам враждебным. Мы его (войско) разбили при озере Тюрги-Яргун» [Аманжолов, 2003. С. 167; Малов, 1951. С. 41; Кюль-тегин, 2003. С. 107]. После разгрома одного из токуз-огузов (т. е. байырку) восстал весь племенной союз. В древнетюркских эпитафиях пишется: «Народ токуз-огузов был моим собственным народом. Так как Небо и Земля пришли в смятение, он стал нам врагом» [Малов, 1959. С. 21].

Далее в поминальных эпитафиях идет перечисление сражений с племенами из конфедерации токуз-огуз и их разгром көк-тюрьками по частям: «В течение года мы сражались пять раз. Сначала мы сразились при городе Тогу... Во второй раз мы сразились с эдизами при Кушлагаке... В четвертый раз мы сразились при вершине Чуш (или в верховьях реки Чуш), Тюркский народ привел движение ноги (т. е. с испугу побежал) и был готов на низость. Когда Кюль-тегин отогнал (вражеское) войско, пришедшее раньше (обогнавшее нас), мы окружили и убили на поминках Тонга-тегина одного родового богатыря из племени тонгра и десять воинов» [Аманжолов, 2003. С. 169; Малов, 1951. С. 42]. Из этого текста теперь становится известным название еще двух племен из союза токуз-огуз: эдиз и тонгра (тонгра).

Разгромленные көк-тюрьками токуз-огузы бежали от них в земли империи Тан (619–907 гг.): «Народ токуз-огузов покинул страну свою (землю и воду) и предался табгачам... На юге у табгачей погибли их имя и слава... Часть их вернулась и подчинилась мне и стала (осталась) народом; а другие умерли. Спустившись в чернь. Уйгурский эльтебер убежал приблизительно со ста людьми на восток...» [Малов, 1959. С. 22].

Из этого отрывка из памятника в честь Билгэ-Кагана не остается сомнений в том, что уйгуры тоже входили в состав союза племен токуз-огуз как одна из его частей. Сам уйгурский каган Моюн-Чур (Баян-Чор) говорил: «...я собрал и соединил мой собственный народ девять огузов («девяти племен». – У. Х.)» [Там же. С. 39]. Здесь слово *огуз* надо переводить не как название этнонима, а как слово *племя*. В словаре древнетюркских языков термин «*oγuz*» переводится с древнетюркского как «племя» или «объединение племен» [ДТС, 1969. С. 365] и, скорее всего, предшествует появлению этнонима *огуз*. Из этого следует, что история токуз-огузов в VIII в. не связана с племенем огуз, который находился в это время на территории Средней Азии. Вместе с тем, не отвергается их общее этническое родство.

Сам же факт их северного, по отношению к көк-тюрькам, расположения подтверждают и тюркские рунические надписи: «слева от тюрок (т. е. на севере) народ токуз-огузов» [Аманжолов, 2003. С. 164; Малов, 1951. С. 38, 65]. Таким образом, токуз-огузские памятники (в первую очередь, погребения) должны быть представлены на территории Северной Монголии, Алтая и Тывы. Вместе с тем, в том же тексте в честь Кюл-Тегина сообщается, что народ токуз-огузов был «мой собственный народ», а сам автор обращается к тюркским и токуз-огузским бегам и народу [Аманжолов, 2003. С. 160; Малов, 1951. С. 34]. Надо думать, что в рамках II Көк-Тюркского каганата, представлявшего собой племенной союз (конфедерацию племен), произошла известная нивелировка и унификация не только материальной культуры, но и других сторон жизни его населения, в том числе погребальных обычаев [Кубарев, 2005. С. 143].

Несмотря на трагические события тысячелетней давности, поражение от енисейских кыргызов и распад союза токуз-огуз («девять племен»), образование их потомками разных, но близкородственных народов – уйгур и тыва, эти народы до сих пор сохранили много общего, как в культуре и языке, так и в этническом составе. Кроме того, сами древние уйгуры являются одной из главных этнических составляющих тувинского народа.

Частью уйгурского народа стали и доланы из состава токуз-огузов, которые также

участвовали в этногенезе тувинцев как долааны (род Долаан). Уйгурские долааны проживают практически во всех известных городах Восточного Туркестана: Аксу, Кашгаре, Маралбеши, Хотане и иных. Некоторые из них еще до XX в. вели кочевой образ жизни [Тенишев, 1984. С. 31, 33; Le Coq, 1928. S. 36, 37]. Большая часть тувинских долаанов проживала в местечках Бедик-Хавак, Даг-Аразы, Булак-Бажы в долине р. Чаа-Хөл (в русской транскрипции: Чаа-Хол) Чаа-Хөлского кожууна Республики Тыва, также в кочевьях Арыскан, Арыг-Үзүү (в русской транскрипции: Арыг-Узю), Ашак-Туразы и Кояк-Туразы современного Улуг-Хемского кожууна. По тувинской легенде, в древности на территории Чаа-Хөля жили предки рода Ондар вместе с долаанами, кыргызами, ховалыгами и др. После распрей этих племен за пастбища и пашенные земли, которые ондары проиграли, от них осталось только десять человек. Из Чаа-Хөля они перекочевали в долины рек Алдыы и Үстүү Ишкин (в русской транскрипции: Устю Ишкин) в Западной Тыве [Монгуш Д., 2003. С. 78].

Тувинский род Ондар до недавнего времени назывался ондар-уйгур или уйгур-ондар. Название этого рода упоминается еще в стеле в честь Моюн-Чура (Баян-Чора): «...а оставшийся (поблизости Орхона?) народ властвовал над десятью (племенами) уйгуров и девятью (племенами) огузов сто лет» [Малов, 1951. С. 34, 38]. В этом тексте С. Е. Малов род *он уйгур* («десять уйгуров») переводит как племя, но ведь в том отрывке нет слова *огуз* (т. е. племя). Слово *огуз* (племя) идет после слова *токуз*, что вместе переводится как «девять племен». А целиком текст переводится: «...а оставшийся народ властвовал над десятью уйгурами и девятью племенами сто лет».

Наши соображения по поводу он-уйгуров подтверждаются не только памятниками письменности древних уйгуров из Терхинской надписи, но и известиями об он-уйгурах в «Джами' ат-таварих» Рашид ад-Дина, буддийскими текстами на уйгурском языке из Турфана и тувинскими преданиями о своих предках уйгурах.

Рашид ад-Дин сообщает, что уйгурские роды Монголии в XIII в. делились по территории проживания: «Тех [из уйгуров], которые [обитали] по течениям десяти рек, называли он-уйгур, а [живших] в [местности]

десяти рек – токуз-уйгур» [Рашид ад-Дин, 2002. С. 146–147]. В буддийском тексте из Турфана его составители говорят о «стране он-уйгуров» («onlar uuyur ilimz-a») [Тугушева, 2001. С. 171]. Скорее всего, традиционное родоплеменное деление было сохранено уйгурами Турфанского идикутства, существовавшего со второй половины IX в. вплоть до первой четверти XV в. Именно северовосточную окраину Восточного Туркестана вплоть до XV в. кашгарцы называли Уйгуристаном [Чவர்ь, 2006. С. 22–23].

В Тыве он-уйгуры известны по народному преданию тувинцев XIX в., записанному Н. Ф. Катановым: «ондар-уйгур или уйгур-ондар... живущее теперь по Бом-кемчику на расстоянии двух дней езды от устья его» [Катанов, 2004. С. 27]. Кроме того, название «уйгур» зафиксировал Л. П. Потапов в 60-х гг. XX в. среди тувинцев Западной Тывы в таких этнонимах и эпонимах, как уйгур, он-уйгур, ондар-уйгур или просто ондар, кара-уйгур [Потапов, 1983. С. 200].

По результатам рассмотрения «токуз-огузской» проблемы в историографии древних уйгуров можно сделать ряд выводов, касающихся истории народов и племен Центральной Азии во времена древнетюркских государств (VI–X вв.).

Во-первых, следует отказаться от огузской версии этнического состава токуз-огузов. Тюркологи, поддерживавшие это мнение, прежде всего, обращали внимание на созвучность названий «огуз» и «токуз-огуз», не изучая должным образом исторические события эпохи древнетюркских каганатов в Центральной Азии. Выводы сторонников «огузской» версии лишают своей истории основную часть потомков токуз-огузов – уйгуров и тыва, в пользу родственных им туркмен, турок и азербайджанцев. Последние столетия, когда предков огузов и токуз-огузов связывала их общая история, – это период существования племенного союза гаогюй / теле (названия по китайским письменным источникам) или (по древнетюркски) огуз, в III–VI вв.

Во-вторых, исследователи, считавшие уйгуров и токуз-огузов одним и тем же народом, ошибались, не обращая внимания на китайские летописи империи Тан, сообщавшие о девятиплеменном составе токуз-огузов. Поэтому такое ошибочное мнение сводит на нет действительно имевший место факт существования дружественного союза

племен (уйгур, байырку, тонгра, сеяньто, эдиз, долан и иных), полностью «отдавая» заслуженную часть истории других токуз-огузских племен уйгурам.

В-третьих, арабо-персидские письменные источники в основном являются компилятивными и поэтому в изучении истории токуз-огузов можно с уверенностью полагаться только на сообщения Тамима ибн Бахра, который сам посетил ставку «токузгузского хакана» в Монголии в первой половине IX в. Употребление более поздними арабо-персидскими летописцами термина «токуз-огуз» по отношению к древним уйгурам Восточного Туркестана (со второй половины IX и вплоть до XV в.) не приемлемо, так как этот союз племен распался после их разгрома енисейскими кыргызами в середине IX в.

История токуз-огузов показывает наличие тесных родственных связей тюркских народов уйгур и тыва. Именно эти народы Центральной Азии являются полноправными современными наследниками «деяти племен» как по происхождению, так и по местам проживания, т. е. в Тыве, Восточном Туркестане и Монголии.

Список литературы

Агаджанов С. Г. Огузская проблема и задачи ее изучения // Тюркологический сборник 1973. М.: Наука, 1975. С. 6–23.

Агаджанов С. Г., Каррыев А. К., Росляков А. А. Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад: Ылым, 1977. С. 5–19.

Аманжолов А. С. История и теория древнетюркского письма. Алматы: ЗАО «Изд-во «Мектеп»», 2003. 368 с.

Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1989. 291 с.

Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Вост. лит. РАН, 2002. 757 с.

Баскаков Н. А. Основные вехи развития советского уйгуроведения // Актуальные проблемы советского уйгуроведения. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 9–17.

Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 199 с.

Джикиев А. Племенные объединения туркмен в XIV–XVII вв. // Проблемы сред-

невековой истории Туркменистана: Тез. докл. республиканской конф. Ашхабад: Ылым, 1989. С. 11–13.

Древнетюркский словарь (ДТС). Л.: Наука, 1969. 676 с.

История Тувы: В 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. Т. 1. 367 с.

Исхаков Г. М., Кляшторный С. Г., Решетов А. М., Рахимов Т. Р. Достижения советских ученых в историко-этнографическом изучении уйгуров // Актуальные проблемы советского уйгуроведения. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 34–42.

Йакут ал-Хамави. «Му'джам ал-булдан» // Материалы по истории Средней Азии и Центральной Азии X–XIX вв. Ташкент: Фан, 1988. С. 76–90.

Катанов Н. Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2004. 260 с.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как исторический источник // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. СПб., 2005. С. 109–111.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 346 с.

Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 288 с.

Кормушин И. В. Древние тюркские языки. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2004. 336 с.

Краткая история уйгуров. Алма-Ата: Ылым, 1991. 256 с.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 399 с.

Кюль-тегин: Поэзия вечного камня (памятники орхоно-енисейской письменности VI–VIII вв.). Новосибирск: Наука, 2003. 248 с.

Кюнгер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 1961. 392 с.

Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках. М., 2002. 126 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 111 с.

Маявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. // История и культура востока Азии. Новосибирск: Наука, 1974. Т. 2. 210 с.

Махмуд ал-Кашигари. «Дивану лугат ат-тюрк» // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. Ташкент: Фан, 1988. С. 20–24.

Монгуш Б. Б. Арабо-персидские письменные источники по истории Тувы IX–XII вв. (краткий обзор) // Учен. зап. ТИГИ. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 2004. Вып. 20. С. 148–163.

Монгуш Д. Чаа-Хөлдүң төрөл бөлүктери (Родоплеменные группы Чаа-Хөла) // Башкы. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 2003. № 1. С. 77–78. (на тувин. яз.)

Позднеев Д. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб.: Типография императорской АН, 1899. 160 с.

Потапов Л. П. Этноним теле и алтайцы // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова. М.: Наука, 1966. С. 233–240.

Потапов Л. П. Древнеуйгурские элементы в традиционной культуре алтае-саянских народов // Актуальные проблемы советского уйгуроведения. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 189–202.

Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893. 130 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей: В 3 т.: Пер. с перс. / Под ред. А. А. Семенова. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 2002. Т. 1, кн. 1–2. 221, 315 с. Репринт. воспроизведение изд. 1946–1960 гг.

Савинов Д. Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху ранне-го средневековья. Кемерово, 1994. 215 с.

Тенишев Э. Р. Уйгурские тексты (на малоизученных диалектах уйгуров КНР). М.: Наука, 1984. 173 с.

Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. М.; Л.: Наука, 1966. 288 с.

Тугушева Л. Ю. Раннесредневековый тюркский литературный язык. Словесно-стилистические структуры. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 176 с.

Чвырь Л. А. Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв.: очерки народного ислама в Туркестане. М.: Вост. лит., 2006. 288 с.

Le Coq A. von. Von Land und Leuten in Ostturkistan. Leipzig: Verlag der J. C. Hinrichs'schen Buchhandlung, 1928. 183 S.

Материал поступил в редколлегию 13.03.2009

U. T. Khovalyg

«TOKUZ-OGUZ» PROBLEM
IN THE HISTORY OF THE STUDY OF ANCIENT UIGURS OF CENTRAL ASIA

The role of tokuz-oguzs in ethnogeny of ancient Uigurs of Central Asia, in spite of its fixed study, until now, is not completely established. For purposes of the solution of this problem are examined basic hypotheses about the origin of name of «tokuz-oguz», its relation to the history of ancient Uigurs. As a result studies are in this work represented two key versions, which they adhere to scientists – oguzic and uiguric. At the same time, the author expressed the opinion that «tokuz-oguz» was the name of the union association of nine nomadic tribes of Central Asia. The thorough study of information and facts from the ancient Turkish memorables inscriptions and the Chinese dynasty chronicles makes it possible to reveal the ethnic composition of tokuz-oguzs: a Uigur, to bayyrku, tongra, ediz, dolan, seyanto (name on the Chinese chronicles) and others. Specifically, by them, to Kök-Turks (in the Russian: Kok-Turk) and to Yenisey kyrgyzs, belongs significant role in formation of the Turkish people of the center of Asia – tyva.

Keywords: Central Asia, East Turkistan, tribes, ethnonims, tokuz-oguzs, oguzs, ancient uigurs, kök-turks, khanates, ethnogeny, Tyva.